

Стоя в неловком молчании перед Третьим принцем, Юй Чэньнянь гадал, какую каверзу Ши Цин приготовил на этот раз.

Раз Ши Цин так старательно делал вид, будто ничего не происходит, и преградил ему путь в кабинет только после того, как Третий принц передал шкатулку с едой, значит, с подношением что-то не так. Скорее всего, это была очередная жестокая шутка — Юй Чэньнянь не сомневался, что избалованный юноша не решится на что-то по-настоящему опасное, ведь Третий принц побоялся бы давать ему в руки нечто смертоносное.

Глаза Юй Чэньняня потемнели, в душе шевельнулась холодная усмешка.

«Даже если я знаю об этом, что с того?»

В прошлые разы, когда Ши Цин намеренно издевался над ним, Юй Чэньнянь прекрасно видел ловушки, но всё равно был вынужден в них наступать. Не желая выставить себя дураком на потеху этой компании, он лишь навлекал на себя ещё большую злобу.

Внезапно из комнаты донёсся пронзительный вскрик.

Третий принц, узнав голос Ши Цина, не раздумывая бросился внутрь. Юй Чэньнянь, помедлив мгновение, неспешно последовал за ним.

В кабинете Ши Цин, всё ещё укутанный в ярко-алый плащ, застыл как изваяние. Его лицо смертельно побледнело, а расширившиеся от ужаса глаза были прикованы к маленькой зелёной змейке, медленно ползущей к его ногам.

Остальные принцы поспешно отступили подальше. Несколько евнухов замерли неподалёку, боясь шелохнуться — они опасались, что резкое движение спровоцирует змею, и не решались подойти ближе.

Стоило Ши Цину увидеть вошедших, как в его чёрных глазах блеснули слёзы.

— Третий брат, спаси меня!

— Ваше Высочество, не подходите! — вскричал евнух, который как раз пытался чем-то отвлечь змею. — Это бамбуковая куфия, она смертельно ядовита!

При этих словах Третий принц мгновенно отшатнулся. Вся его храбрость испарилась, уступив место замешательству. Он испуганно прошептал своему слуге:

— Как это понимать?! Разве я не велел вам найти самую обычную змею?!

— Ваше Высочество, мы и принесли безобидного ужа! Я собственными глазами видел, как в шкатулку положили чёрную змейку!

— У-у-у... — всхлипнул Ши Цин.

От страха он не смел даже пошевелиться, но в его голосе всё ещё слышались привычные властные нотки:

— Чего вы стоите?! Немедленно уберите от меня эту тварь!

«Система, пусть она поползёт по мне чуть выше».

Послушная командам, змея зашипела и двинулась вверх. Её целью было плечо Ши Цина. Тонкое зелёное тело на фоне алого плаща выглядело пугающе ярко.

Казалось, молодой господин вот-вот перестанет дышать. Вся его былая спесь исчезла; он лишь тихонько всхлипывал, и на его белом лице читался неподдельный ужас.

Стоявший рядом евнух запричитал:

— Молодой господин, умоляю, не плачьте и не говорите! Если вы замрётё, она вас не тронет!

И Ши Цин, заливаясь слезами, застыл, боясь даже вздохнуть. Но он не мог стоять так вечно.

Первый принц, которого слуги надёжно закрыли своими спинами, сохранял относительное спокойствие. Он рявкнул на евнухов:

— Чего вы ждёте?! Сделайте же хоть что-нибудь!

Но евнухи, выросшие во дворце, никогда в жизни не ловили змей. К тому же они боялись сделать лишний шаг: если куфия укусит молодого господина Ши, их голов не хватит, чтобы искупить эту вину. Ситуация зашла в тупик.

Ши Цин: «Система, пусть она подобрётся к самому лицу».

Зелёная змея медленно заскользила выше, к нежной щеке юноши. Присутствующие затаили дыхание. Напряжение достигло предела. Больше всех нервничал Третий принц — ведь это он принёс змею для Ши Цина. Если тот погибнет здесь от яда, оправдаться не получится.

И тут его взгляд упал на Юй Чэньняня, стоявшего чуть поодаль. Камень, давивший на сердце Третьего принца, немного полегчал.

«Точно! Здесь же Юй Чэньнянь».

Всё произошло прямо перед его столом. В крайнем случае, можно будет свалить всю вину на этого изгоя. Так случалось всегда: если происходило что-то хорошее, четверо братьев делили это между собой, если случалась беда — во всём виноват был Девятый принц. Даже если с Ши Цинем что-то случится и отец-император будет в ярости, он вряд ли захочет жертвовать одним из своих признанных сыновей.

Но Юй Чэньнянь — совсем другое дело. К нему император никогда не питал отеческой любви.

Будучи крайне чувствительным к чужим эмоциям, Юй Чэньнянь не упустил недоброго взгляда Третьего брата. Он не был дураком и мгновенно просчитал его намерения. Сердце Юй Чэньняня сжалось.

Если Ши Цин сегодня умрёт, его участь будет предрешена. Братья не только не посочувствуют ему, но и с радостью столкнут в пропасть. Если он падёт, его матери придётся ещё тяжелее, а ведь есть ещё Вторая принцесса...

У него оставался единственный выход — пойти ва-банк.

Либо Ши Цин выживет, и тогда выживет он. Либо они оба обречены.

Юй Чэньнянь стиснул зубы. Решительно вскинув голову, он шагнул вперёд и быстрым, точным движением схватил змею за голову, не давая ей раскрыть пасть. Резким рывком он сорвал её с алого плаща юноши и одним махом выбросил в окно.

Змея дёрнулась на земле и затихла.

— Молодой господин!

— Ши Цин, ты цел? Давай, вставай скорее.

Как только опасность миновала, принцы, которые секунду назад готовы были бежать на край света, облепили Ши Цина со всех сторон. Кто-то засыпал его вопросами, кто-то пытался помочь подняться.

Раздались гневные окрики в адрес слуг:

— Как вы это допустили?! Почему в Императорском кабинете оказалась ядовитая змея?!

Евнухи, отвечавшие за чистоту в Юйшуфане, повалились на колени, моля о пощаде. Никто из них не осмелился сказать, что змеям здесь взяться неоткуда — они лишь исступлённо били челом о пол, пока у них не помутилось в глазах.

Молодой господин Ши понемногу приходил в себя. Он не позволял никому касаться своей персоны. Стоило кому-то протянуть руку, как он тут же бил по ней, будь то евнух или принц — он без разбора раздавал пощёчины.

Юй Чэньнянь стоял в стороне, наблюдая за тем, как этот недавний заносчивый юнец, подобно рассерженному котёнку, всхлипывает и яростно шипит на окружающих:

— Прочь! Убирайтесь все!

— Когда мне нужна была помощь, никто из вас и пальцем не пошевелил! А теперь вдруг забеспокоились?!

Лица принцев вытянулись от смущения. Евнух, стоявший подле Первого принца, поспешно запричитал:

— Молодой господин, вы стояли спиной и не видели! Его Высочество хотел броситься к вам, не раздумывая, но мы удержали его мёртвой хваткой!

— Верно, не поймите Четвёртого принца превратно! Если бы мы не повисли на нём, разве оставил бы он вас в беде? Его Высочество относится к вам как к родному брату!

Слуги принцев прекрасно знали, что молодой господин Ши — личность, которой их господа обязаны угождать, и наперебой принялись оправдывать своих хозяев.

— Их Высочества беспокоились о вашей безопасности! Если бы змея всполошилась и укусила принца, что бы тогда было?

— Молодой господин, поднимитесь скорее, пол холодный.

Но Ши Цин и слушать их не желал. Он по-прежнему злобно отбивался от протянутых рук:

— Пошли прочь! Все прочь! Вы мне не нужны!

На его бледных щеках всё ещё блестели дорожки слёз, но в глазах снова вспыхнуло привычное высокомерие.

— Где Юй Чэньнянь? Позовите его сюда.

Он привык помыкать всеми вокруг и нисколько не смущался тем, что находится во дворце, а Юй Чэньнянь — принц. Он выкрикнул его имя тем же тоном, каким подзывают последнего слугу.

Четверо принцев на мгновение замерли. В их взглядах, направленных на стоявшего поодаль Юй Чэньняня, промелькнуло недовольство. Неужели этому мальчишке действительно выпал шанс втереться в доверие к Ши Цину?

Но какими бы холодными ни были их взгляды, на лицах они сохранили маски «любящих братьев». Первый принц, как старший, выступил вперёд и ласково произнёс:

— Девятый брат, ты, верно, напуган? Ши Цин зовёт тебя.

Юй Чэньнянь молча подошёл ближе. За его спиной он кожей чувствовал ледяные взгляды четырёх братьев. Казалось, стоит Ши Цину проявить к нему хоть тень расположения, и они, не колеблясь, нанесут удар, чтобы устранить конкурента.

К облегчению принцев, Юй Чэньнянь, хоть и подошёл, остался всё таким же угрюмым и немногословным. Он не пытался приписать себе заслугу спасения, не бросился утешать напуганного юношу, чтобы набрать «очки» симпатии. Он просто встал перед Ши Цинем, прямой и неподвижный, как бревно.

Он даже не подумал присесть, заставляя Ши Цина, сидевшего на полу, задрать голову, чтобы посмотреть на него. Вести себя так перед избалованным Ши Цинем, которому никто и никогда не смел перечить, было верным самоубийством.

Братья тут же отбросили зависть. Теперь им не терпелось увидеть, как этот выскочка получит по заслугам.

И верно — капризный молодой господин рассердился.

— Ты чего вытянулся?! А ну живей на колени!

Юй Чэньняню было всего семнадцать. Несмотря на скудное питание, он заметно перерос всех своих братьев. Он молча опустил на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Юй Чэньнянь не ждал благодарности. Точно так же он не ждал, что Ши Цин когда-нибудь раскается в своих жестоких проделках.

И он не ошибся. Первая же фраза юноши была полна обвинений:

— Уставился! Если бы не ты, меня бы точно укусили!

Остальные принцы тут же расслабились. Очевидно, Ши Цин, не привыкший искать ошибки в себе, решил свалить всё на Юй Чэньняня.

Ши Цин продолжал возмущённо тараторить:

— Не надейся, что раз ты выбросил змею, то спас меня! Если бы не ты, разве стал бы я её ловить?! А если бы не ловил, разве пережил бы такой ужас?!

В этой логике не было ни капли смысла. Она была вздорной и несправедливой.

Но принцы, словно ослепнув, наперебой принялись поддакивать, обвиняя Девятого брата:

— Вот именно, Девятый брат! Это целиком твоя вина.

— Ну полно, Ши Цин, не сердись. Давай, поднимайся. Тебе ведь так нравился мой нефритовый амулет в форме тыквы-горлянки? Я велю принести его тебе в подарок, чтобы ты немного успокоился. Что скажешь?

Юй Чэньнянь молча замер, наблюдая за Ши Цином, который, несмотря на уговоры, наотрез отказывался вставать. Юноша в алом плаще выглядел ещё более хрупким; алый цвет подчёркивал белизну его кожи. Тонкие светлые пальцы с пренебрежением отталкивали любого, кто пытался ему помочь.

— Никуда я не пойду! Я требую объяснений от самого Императора!

— Его Величество пригласил меня в Юйшуган, сказав, что я ему почти как сын. И что же я вижу? Если бы не моё невероятное везение, я бы здесь и испустил дух!

Он всегда был своенравным, а учитывая его юный возраст и привычку получать всё по первому требованию, такая выходка никого не удивила.

Но Третий принц внутренне похолодел. Если Ши Цин действительно дойдёт до отца-императора, всплывёт правда о куфие. Он поспешно толкнул в плечо безмолвного Юй Чэньняня:

— Девятый брат, чего застыл? Быстро извинись перед Ши Цином!

Остальные братья тут же подхватили:

— Верно, Девятый брат, попроси прощения!

— Ты уже взрослый человек, а всё такой же тугодум. Если бы не твоё упрямство, разве Ши Цину пришлось бы так страдать?

Эта сцена, где человека, не сделавшего ничего дурного и спасшего другого, обвиняли все вокруг, со стороны выглядела бы горько. Но Юй Чэньнянь не чувствовал ничего — он давно к этому привык.

Девятый принц, чей рослый стан сейчас казался приниженным и смиренным, покорно произнёс:

— Прости. Это моя вина.

— Одной вины мало! — видя его покорность, избалованный юноша распоясался ещё больше.

Он холодно фыркнул:

— А ну все прочь! Мне не нужны эти евнухи. Пусть он сам поднимет меня на руки.

Отвергнуть помощь слуг, потребовав, чтобы за него взялся принц — это было открытым оскорблением. Но ни один из братьев Юй Чэньняня не вступился за него. Они лишь стояли рядом, предвкушая зрелище.

Видя, что Юй Чэньнянь медлит, Ши Цин надулся. Он замахнулся ногой и легонько пнул его:

— Чего застыл? Неси меня в опочивальню! Здесь ужасно грязно, я хочу переодеться.

Ши Цин вырос в неге. До пяти лет слуги носили его на руках, и его ноги почти не касались земли. Разумеется, удар был слабым и совсем не болезненным.

Он пришёлся Юй Чэньняню по голени — словно котёнок ткнул мягкой лапкой. Боли не было, лишь странное чувство, похожее на щекотку. Но Юй Чэньнянь не рассердился. Он привык к чужому высокомерию, и для него, пока дело не доходило до побоев или лишения еды, слова оставались лишь пустым звуком.

Он молча опустился на одно колено и покорно обхватил Ши Цина за талию. Стоило ему коснуться юноши, как Юй Чэньнянь невольно замер.

До этого момента ни Ши Цин, ни принцы никогда не допускали даже малейшего физического контакта с ним. Они подшучивали над ним, издевались, но всегда смотрели с брезгливостью и

презрением. Его приёмная мать не была ему родной, к тому же он уже вырос и не мог, как дитя, искать утешения в её объятиях. А слуги вокруг не заботились о нём по-настоящему: чувствуя, что он не в чести у отца, они лишь осыпали его колкостями.

И вот теперь Юй Чэньнянь, сколько себя помнил, впервые оказался так близко к другому человеку.

Первое, что он почувствовал — какой же Ши Цин мягкий. Тело юноши было нежным и податливым; это была та особая мягкость, которую можно обрести лишь в бесконечной заботе и роскоши.

Юй Чэньнянь однажды видел помёт котят — их родила кошка одной из наложниц. Проходя мимо, он заметил, как служанка вынесла корзинку на солнце. Золотистые лучи падали на их белую шерстку, и она словно светилась изнутри. Котята тихонько пищали, кувыркаясь в своём уютном гнезде, и, чувствуя заботу, ласково мяукали, привлекая внимание.

Тогда Юй Чэньнянь, будучи ещё ребёнком, не мог оторвать от них глаз. Он впервые видел таких хрупких и беззащитных существ. Он невольно представлял: каково это — коснуться их?

Он простоял там почти полчаса — пока тёплые лучи не стали обжигать, пока служанка не унесла согревшихся котят обратно в дом. Но он так и не решился подойти.

Потом его матушка тяжело заболела. Он днями напролёт разрывался между прихотями евнухов и служанок, терпел издевательства братьев и пренебрежение поваров — ему стало совсем не до котят.

И вот теперь, ощущая под пальцами эту невероятную мягкость, Юй Чэньнянь невольно забылся.

«Интересно, котята на ощупь такие же?»

Такие же нежные, послушные и хрупкие.

Но тут Ши Цин, которого он касался, замахал руками и яростно зашипел:

— Чего ты застыл?! Немедленно подними меня!

Юй Чэньнянь опустил веки, скрывая свои мысли, и безмолвно поднял молодого господина на руки. В объятиях это ощущение стало ещё острее. Ши Цин был невероятно гибким, словно в его теле совсем не было костей — хрупкий, изящный и удивительно лёгкий.

Чувствуя, что ему прислуживает целый принц, Ши Цин, казалось, был очень доволен. Он

высоко задрал подбородок, и на его лице застыло выражение капризной уверенности в том, что мир создан лишь для того, чтобы его обожать.

— Я пойду переоденусь во внутренних покоях. Пусть мне прислуживает Юй Чэньнянь, вам всем входить не обязательно.

Присутствующие с улыбками закивали. Для них ситуация, в которой принц прислуживает подданному, казалась совершенно естественной. Сам же Юй Чэньнянь никак не выказал обиды. Он лишь крепче обхватил мягкую талию юноши и, как обычно молча, потащил Ши Цина во внутренние комнаты.

В Императорском кабинете были предусмотрены помещения для отдыха — обычно туда уходили принцы, если на их одежду попадала тушь, или если им хотелось вздремнуть в тишине. У каждого принца была своя комната, в том числе и у Юй Чэньняня. И хотя обстановка в ней была такой же, как у старших братьев, в его шкафах почти не водилось приличной одежды.

У Ши Цина, разумеется, тоже была своя комната. За дверью открывалось великолепное убранство: пол устлали пушистые ковры, а у ложа стояла изящная курильница. О любви Ши Цина к благовониям знали все. Днём он велел евнухам оставлять курильницу прямо на кровати, чтобы аромат пропитывал подушки и одеяла. Это была странная причуда, но никто не смел упрекнуть его в излишней жеманности.

Юй Чэньнянь беззвучно опустил юношу на край постели. Ши Цин тут же расслабился, откинувшись на мягкие подушки, и снова пнул его ногой. Его голос звучал капризно и нежно:

— Сними с меня носки. Переодеваться не буду — я так испугался, что хочу поспать.

Заставить принца снимать обувь — это было ещё одним изощрённым унижением. Но для Юй Чэньняня это снова ничего не значило. Он послушно присел на край ложа и осторожно обхватил ладонью лодыжку юноши.

От этого прикосновения Юй Чэньнянь снова замер.

У Ши Цина была тонкая кость, но лодыжка оказалась довольно мягкой. Ступня была совсем маленькой, и это сочетание создавало удивительный образ. В его ладони она ощущалась хрупкой и трогательной, но в то же время — живой и тёплой.

Юй Чэньнянь медленно снял со стопы туфлю. Ши Цину было совсем немного лет, к тому же он был строен, так что обувь была ему впору. Эти ноги никогда не касались грязной земли; даже по ступеням кабинета юношу заносили на спине слуги. А поскольку пол в Императорском кабинете мыли по несколько раз в день, подошвы туфель были безупречно чистыми — вовсе не такими «грязными», как капризно заявлял Ши Цин.

А раз подошвы были чисты, то и белоснежные шёлковые носки казались безупречными. Юй Чэньнянь, удерживая лодыжку Ши Цина, поднял на него взгляд.

Заметив это, Ши Цин с довольным видом вскинул подбородок. Его нога в руках принца капризно дёрнулась, поторапливая:

— Чего ждёшь? Неужто брезгуешь мной?

Слова и выражение лица были крайне заносчивыми, но из-за этой естественной грации и мягкого тепла, исходившего от юноши, Юй Чэньнянь не мог заставить себя злиться.

Он начал медленно стягивать белый шёлк. Недовольный медлительностью, Ши Цин задрал вторую ногу и прямо в носке пихнул принца в грудь.

Ступня была крошечной, а подошва — совсем мягкой. От этого толчка в грудь взгляд Юй Чэньняня невольно потемнел.

[Система: Степень отторжения Юй Чэньняня составляет 145/100]

<http://bllate.org/book/15834/1438784>